

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.24>

Журавлёва Кира Анатольевна

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ СКАЗУЕМЫХ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПРИ СОЧЕТАНИЯХ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО "ПОЛ-" С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

В работе анализируются особенности формы сказуемых и определений при конструкциях с компонентом "пол-" и существительными темпоральной семантики. С помощью методов корпусной лингвистики выявлено, что для определений частотны препозиция и форма множественного числа, а для сказуемых - форма единственного числа. Описаны случаи употребления определений в постпозиции (при наличии полупредикативности или особого актуального членения) и в единственном числе (при употреблении архаичной словоформы и при "расщеплении" конструкции), а также особенности выбора флексии в N1 и N4. В результате сделан вывод, что "пол-" стоит рассматривать как самостоятельную лексему.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 133-137. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 18.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.24>

В работе анализируются особенности формы сказуемых и определений при конструкциях с компонентом «пол-» и существительными темпоральной семантики. С помощью методов корпусной лингвистики выявлено, что для определений частотны препозиция и форма множественного числа, а для сказуемых – форма единственного числа. Описаны случаи употребления определений в постпозиции (при наличии полупредикативности или особого актуального членения) и в единственном числе (при употреблении архаичной словоформы и при «расщеплении» конструкции), а также особенности выбора флексии в N1 и N4. В результате сделан вывод, что «пол-» стоит рассматривать как самостоятельную лексему.

Ключевые слова и фразы: числительное; «пол-»; грамматическая форма; синтаксические связи; сказуемое; определение; темпоральная семантика.

Журавлёва Кира Анатольевна

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

kira.zhuravlyova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ СКАЗУЕМЫХ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПРИ СОЧЕТАНИЯХ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО «ПОЛ-» С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

В современной русистике не решён вопрос о статусе части «пол-» в конструкциях типа «полмира», «полминуты» и т.п. В «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова «пол-» упоминается в разделе о числительных, но учёный не описывает особенностей этой лексики [10, с. 95]. В грамматиках Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова [1] и В. А. Белошапковой [2] «пол-» не упоминается вовсе.

В. В. Виноградов выделяет «пол-» и «полу-» как один из типов числительных, однако отмечает, что они «всё более превращаются в неизменяемую первую часть составных слов со значением половины или середины чего-нибудь» [4, с. 233]. Схожее мнение отражено в «Русской грамматике» 1980 г. (РГ-80), где «пол-» описывается как компонент сложного существительного, занимающий промежуточное положение между приставкой и корнем (так называемый префиксоид), однако В. А. Плотнокова (автор соответствующих параграфов) отмечает у слов с «пол-» некоторые признаки сочетания существительного с числительным [8, с. 495]. И. А. Мельчук, напротив, предлагает рассматривать «пол-» исключительно как самостоятельное числительное [5, с. 132], а Н. Г. Пирога утверждает, что статус компонента «пол-» непостоянен и зависит от индивидуального лексического значения существительного [7]. Значительно большее внимание уделяется правописанию существительных с «пол-» [3, с. 60; 9, с. 49-50].

При этом работы, посвящённые анализу синтаксического окружения конструкций с «пол-», практически отсутствуют, несмотря на то что факты языковой действительности свидетельствуют о вариативности оформления синтаксических связей с такими конструкциями.

Некоторые выводы, касающиеся числа сказуемых и определений при существительных с «пол-», сделаны В. А. Плотноковой и отражены в РГ-80 (оттуда же взяты приведённые в скобках примеры):

- при отсутствии определения глагол-сказуемое имеет обычно форму ед. ч. («*пройдёт/прошло полгода*»);
- при наличии определения нормальна форма мн. ч. («*прошли долгие полгода*»);
- определение всегда получает форму мн. ч. («*томительные полчаса, последние полверсты, прожитые полжизни*») [8, с. 495].

О числе сказуемых при существительных с «пол-» писал и И. А. Мельчук: «Сочетание пол- + S в роли подлежащего требует глагола-сказуемого только в ед. ч. (в прош. времени – в среднем роде)» [5, с. 95].

Нам представляется важным внести некоторые уточнения. **Цель** нашего исследования – дополнить существующие описания особенностей грамматической формы сказуемых и определений, находящихся при сочетаниях числительного «пол-» с существительными темпоральной семантики.

Актуальность нашей работы определяется частотностью употребления конструкций с «пол-», а **научная новизна** исследования – отсутствием комплексного описания их синтаксического окружения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**: 1) создать корпус, содержащий контексты с определениями и сказуемыми при конструкциях с «пол-»; 2) произвести разметку корпуса и составить статистику; 3) на основе статистических данных выявить наиболее частотные грамматические формы сказуемых и определений и сделать выводы о зависимости их формы от различных параметров.

Для анализа мы выбрали конструкции со словами темпоральной семантики, поскольку во многих случаях лексическое значение определяет синтаксическую функцию конструкции и её грамматическую валентность.

Для проведения исследования были использованы контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [6]. Всего проанализировано 4593 контекста, содержащих сочетания числительного «пол-» и существительных темпоральной семантики (в скобках указано количество проанализированных контекстов для каждого сочетания): «*полсекунды*» (111), «*полминуты*» (782), «*полчаса*» (1000), «*полдня*» (1014), «*полвечера*» (16), «*полнедели*» (12), «*полмесяца*» (268), «*ползимы*» (15), «*полгода*» (1014), «*полжизни*» (361).

Поскольку эти конструкции, по нашим наблюдениям, редко выступают подлежащим в двусоставном предложении (для них более типична синтаксическая функция обстоятельства) и не менее редко имеют при себе согласованное определение, не весь проанализированный материал может отразить интересующие нас синтаксические связи и дать информацию о грамматической форме сказуемых и определений. В результате отбора нами был создан корпус, содержащий 500 контекстов, в которых количественно-именное сочетание употребляется со сказуемым и/или определением.

Важно отметить некоторые особенности подсчёта. Как один случай употребления мы фиксировали:

– повтор конструкции, встречающийся в одном предложении или в соседствующих в пределах одного абзаца;

– употребление количественно-именного сочетания с однородным рядом сказуемых или определений.

При разметке созданного корпуса мы учитывали следующие параметры: 1) число согласованного определения; 2) позиция согласованного определения; 3) наличие/отсутствие полупредикативности (действительно ли анализируемая лексема является согласованным определением); 4) падеж согласованного определения (N1, N2, N4); 5) тип флексии согласованного определения при употреблении во мн. ч. в формах N1 и N4; 6) тип лексического значения определения (полнозначное, местоимённое, оценочное); 7) число сказуемого; 8) позиция сказуемого.

Проанализировав материал, мы выяснили, что в 338 контекстах наличествует согласованное определение, в 189 – сочетание со сказуемым, а в 27 – сочетание и со сказуемым, и с определением.

Перед анализом грамматической формы определений нам представляется важным отметить некоторые особенности их семантики, поскольку в отдельных случаях эти особенности влияют и на выбор грамматической формы, и на возможность расценивать словоформу как определение. При работе с корпусом выявлено три возможных типа лексического значения (в скобках отмечено количество употреблений с учётом всех определений, в том числе находящихся в однородных рядах):

1) полнозначные определения, имеющие конкретное лексическое значение, – «*последние*», «*следующие*», «*ближайшие*», «*первые*», «*оставшиеся*» и т.д. (159);

2) местоимённые определения, выраженные прилагательными местоимённой семантики, – «*эти*», «*те*», «*каждые*», «*все*», «*другие*» (102);

3) оценочные определения, представляющие собой производные (в терминологии РГ-80 – непервообразные [11, с. 721]) частицы, – «*какие-то*», «*какие-нибудь*», «*целые*», «*битые*», «*добрые*», «*лишние*» (80).

Последний тип требует некоторых пояснений. В отдельных случаях происходит семантический сдвиг, в результате которого определение перестаёт восприниматься как признак определяемого слова и начинает вносить в предложение дополнительное оценочное значение: «*Знаешь небось, как он за какие-нибудь полгода подготовил шестерых взрослых, практически неуправляемых львов*» (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004)) [6]. В приведённом примере «*какие-нибудь*» не является прилагательным местоимённой семантики, оно не синонимично лексемам «*любой*», «*всякий*» и т.п. При этом сочетание «*за какие-нибудь полгода*» можно без потери смысла заменить на вариант с частицей – «*все* за полгода», «*лишь за полгода*».

Как можно заметить, частицы не могут считаться определениями в полном смысле слова. Тем не менее мы учитываем их при подсчёте, поскольку формально такие единицы соотносимы с согласованными определениями. Аналогичное решение принято и в отношении причастных и адъективных оборотов. Несмотря на то, что они являются средством осложнения предложения, а не определениями, прилагательное или причастие, образующее оборот, принимает форму определяемого слова, а значит – отражает особенности согласования, которые нас интересуют, например, число согласованного определения.

В корпусе зафиксировано 322 контекста, в которых определения употребляются во мн. ч., но, вопреки утверждению В. А. Плотниковой, в выборке наличествуют и 16 контекстов с определением в ед. ч. Выбор формы ед. ч., на наш взгляд, может быть связан с двумя факторами – архаичностью включённой в корпус словоформы и постпозицией согласованного определения.

7 из 16 зафиксированных контекстов, в которых отмечено употребление определения в ед. ч., взяты из текстов, относящихся к XIX веку: «*Я уж вижу с первой полсекунды, что дело не выгорело, стоит серьёзный, уперся*» (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)) [Там же]. Время написания текстов, в которых отмечено такое употребление, позволяет предположить, что ранее существовали лексемы «*полминута*», «*полсекунда*» и т.п., имеющие свою грамматическую валентность, отличную от валентности сочетаний, сохранившихся в языке. В современных словарях утраченные леммы не зафиксированы, однако дополнительный поиск по НКРЯ подтвердил наше предположение: «*Прошла ужасная полминута, которая казалась и старосте и часовому целою вечностью*» (Р. М. Зотов. Два брата, или Москва в 1812 году. Ч. II (1850)) [Там же].

В других 9 из 16 зафиксированных случаев определения в ед. ч. находятся в постпозиции по отношению к определяемому сочетанию с «пол-» и сводятся к следующему типу: «*Ведь это наша общая с тобой победа, ведь я полжизни своей отдал на то, чтобы ты стал еще лучше...*» (Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953)) [Там же]. В приведённом примере определение должно относиться к количественно-именному сочетанию «*полжизни*», однако в силу расположения определения происходит своеобразное «расщепление» внутренней формы конструкции – на компонент-числительное «пол-» и существительное в форме N2. Именно поэтому определение относится не к сочетанию «*полжизни*», а к словоформе «*жизни*», вследствие чего получает грамматическую форму ед. ч. и соответствующего (в нашем примере – женского) рода.

Описанные особенности согласования, на наш взгляд, являются свидетельством того, что компонент «пол-» стоит охарактеризовать как самостоятельное числительное, которое употребляется в конструкциях

с существительными в форме N2 (ср. например: «два часа» – «полчаса», «две секунды» – «полсекунды»), но не образует с ними единую словоформу. При этом нормативность слитного написания конструкций с «пол-», по мнению И. А. Мельчука, следует считать «неоправданной причудой русского правописания» [5, с. 132].

Стоит отметить, что, несмотря на то что для определения во мн. ч. наиболее типична препозиция по отношению к определяемому слову, отмеченная в 316 контекстах, в выборке встретилось 7 употреблений в постпозиции. Примечательно, что в 6 случаях такого типа в предложении наличествует не собственно определение, а особый второстепенный член, выражающий отношения дополнительной предикативности (причастный или адъективный оборот): «Трудно объяснить, но за **полдня, проведенных на полигоне**, мне так и не удалось найти хоть кого-то...» (Елена Строителева. Ермоловку «зачищают» каждый день // Известия. 2003) [6].

Только в одном из зафиксированных случаев во мн. ч. в постпозиции употребляется собственно согласованное определение: «...мы у тебя **полчаса утренних** отрежем, тебе и так хватит, все равно ты на медаль не работаешь» (Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)) [Там же]. В приведённом примере позицию определения можно объяснить актуальным членением высказывания: вероятно, инверсия происходит потому, что для говорящего более важно не количество времени, которого лишится адресат сообщения (полчаса), а время суток (утро), к которому относится указанный временной промежуток.

Употребление количественно-именного сочетания со сказуемым выявлено в 189 случаях. При этом данные, полученные в результате нашего исследования, не совпадают с данными исследования И. А. Мельчука: в проанализированных контекстах форма ед. ч. употреблена 165 раз, а форма мн. ч. – 24. При этом в 15 из 24 случаев употребления сказуемого во мн. ч. при количественно-именном сочетании находится и определение во мн. ч.: «**Следующие полчаса** протекли медленно...» (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)) [Там же].

Примечательно, что при анализе употреблений со сказуемым во мн. ч. и определением нам не встретилось ни одного контекста с определением в ед. ч. Напомним, что, по нашим наблюдениям, определения в ед. ч. при существительных анализируемого типа употребляются в двух случаях: при постановке определения в постпозицию (когда происходит «расщепление» внутренней формы конструкции и определение начинает относиться к слову, имеющему форму ед. ч. N2) и при употреблении устаревших лексем типа «*полминута*», имеющих иную грамматическую валентность. Варианты *«*полдня рабочего* прошли» и *«*счастливая полминута* прошли» не представляются возможными, следовательно, отсутствие сочетаний сказуемого во мн. ч. и определения в ед. ч. в нашей выборке не является случайностью.

Стоит отметить, что при невозможности совмещения сказуемого во мн. ч. и определения в ед. ч. в 12 контекстах отмечено сочетание сказуемого в ед. ч. с определением – как во мн. ч., так и в ед. ч. При этом нормальная форма мн. ч., встретившаяся 9 раз: «**Прошло томительных полминуты**» (П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (кн. 1) (1922)) [Там же].

Употребление определения в ед. ч. отмечено всего в 3 случаях, и все они представляют собой ранее описанный тип с определением в постпозиции: «Я помню крепостное право; я вырос на нем; **полжизни моей** прошло при его условиях...» (К. Н. Леонтьев. Как надо понимать сближение с народом? (1880)) [Там же]. В таких случаях и сказуемое, и определение координируются с формой существительного в ед. ч. N2.

9 из 24 случаев употребления сказуемого во мн. ч. отмечены в контекстах без определения: «**Полминуты** поисков дали результат – толстый, шелушащийся хрупкой, как сухая кожа, ржавчиной, лом» (Вадим Громов. Компромат для олигарха (2000)) [Там же]; «**Полдня** пролетели незаметно» (А. А. Олейников. Велькино детство (2007)) [Там же]. Мы не зафиксировали особых условий, влияющих на выбор мн. ч. в этих примерах, но отметили, что употребление мн. ч. сказуемого при отсутствии определения влияет на синтаксическую позицию сказуемого: во всех 9 случаях сказуемое, употреблённое без определения, находится в постпозиции по отношению к подлежащему. При этом в других случаях позиция сказуемого не является строго определённой – в 102 случаях оно находится в препозиции, а в 87 – в постпозиции.

Наряду с числом сказуемых и определений интерес представляет флексия определений в формах N1 и N4 мн. ч. В результате анализа нами была отмечена вариативность – из 322 случаев употребления в 256 контекстах использована флексия, характерная для определений существительных в N1 или неодушевлённых существительных в N4 («**последние** полчаса»), а в 66 – для существительных в N2 или одушевлённых существительных в N4 («**последних** полчаса»).

Наличие определения при количественно-именных сочетаниях в N1 встретилось в 25 случаях, а в N4 – в 297.

Для определений при сочетаниях в форме N1 нормальная флексия типа «ые», зафиксированная в 16 из 25 контекстов. При этом 15 из 16 таких употреблений – пример сочетания определения и сказуемого во мн. ч.: «**Прошли первые полмесяца** моей работы в школе» (Вадим Баевский. Центральный поселок // Звезда. 2008) [Там же]. Оставшийся контекст представляет собой неклассическое сочетание форм сказуемого в ед. ч. и определения во мн. ч. и, по нашему мнению, не является нормативным: «**Какие-то полсекунды** судорожной оглядки было у меня» (В. В. Биbihин. Сергей Сергеевич Аверинцев (1989)) [Там же].

Флексия типа «ых» встретилась в выборке 9 раз. При этом примечательно, что в 6 из 9 случаев (исключения – контекст со сказуемым «есть», у которого невозможно определить число, и два номинативных предложения) определение с флексией типа «ых» сочетается со сказуемым в ед. ч.: «С половины пути позвонил Маришке – он же почти у дома, **каких-то полчаса** осталось» (Сколько весит настоящее счастье? // Лиза. 2005) [Там же].

Из вышеописанного следует, что употребление и определения, и сказуемого при сочетании с «пол-» накладывает некоторые ограничения: при использовании сказуемого во мн. ч. определение должно иметь

флексию типа «ые» («*какие-то полсекунды были*»), а при использовании сказуемого в ед. ч. –флексию типа «ых» («*каких-то полсекунды было*»).

Для определений в форме N4 отмечено 239 употреблений флексии типа «ые» и 57 – флексии типа «ых».

Стоит отметить, что использование флексии типа «ых» в формах N1 и N4 не всегда возможно: «*Если не платить, первых полгода будет жесткий прессинг по телефону, будут пугать и т.д.*» (Коллективный форум: Долговая яма по потребительскому кредиту, как защитить свои права при невозможности исполнения обязательств (2008-2011)) [Там же]. В приведённом примере чувствуется некоторая неправильность, несмотря на то что существительное находится в форме N4 и, соответственно, не имеет при себе сказуемого во мн. ч., которое могло бы влиять на необходимость выбора флексии типа «ые».

Поскольку круг лексем, сочетающихся с интересующими нас словами, является достаточно ограниченным, мы решили проверить, какие из них могут иметьфлексию типа «ых». С помощью метода подстановки мы выявили, что при сочетании с оценочными и полнозначными определениями (кроме прилагательных количественной семантики) тип флексии является вариативным: случаи типов «*это длилось долгих/целых полчаса*» и «*это длилось долгие/целые полчаса*» представляются одинаково допустимыми. При этом определение, имеющее количественную или местоимённую семантику, по нашему мнению, может иметь толькофлексию типа «ые»: «*это длилось первые/все полчаса*», но не *«*это длилось первых/всех полчаса*».

Следует отметить, что для образования формы N4 согласованного определения использование флексии типа «ых» должно быть допустимо только в случае сочетания определений с одушевлёнными существительными. Очевидно, что лексемы темпоральной семантики не должны входить в этот лексико-грамматический класс, следовательно, нормативной для формы N4 должна считаться только флексия типа «ые». Похожая проблема возникает и с количественно-именными сочетаниями в форме N1: употребление флексии типа «ых», являющейся показателем формы косвенного падежа (N2 или N4), у определения, согласующегося с подлежащим, которое может быть употреблено исключительно в форме N1, не является нормальным для русского языка.

Но флексия типа «ых» служит также для образования формы N2, которая имеет, по данным РГ-80, периферийное значение необходимо восполняющей формы – «*два сына*», «*тысяча километров*» (приведённые примеры взяты из РГ-80). Следовательно, флексию типа «ых» у определений стоит рассматривать как показатель формы N2, что является ещё одним проявлением внутренней формы количественно-именного сочетания, состоящего из компонента-числительного «пол-» и существительного в форме N2, которое и влияет на падеж (а в постпозиции – и на число) согласованного определения. Этим же объясняется и ранее описанная устойчивость конструкций типов «*какие-то полсекунды были*» и «*каких-то полсекунды было*» – в первом случае и определение, и сказуемое координируются с количественно-именным сочетанием «*полсекунды*» (а именно с его вершиной – числительным «пол-»), а во втором – со словом «*секунды*».

Таким образом, проанализировав контексты в корпусе, мы пришли к некоторым **выводам** об особенностях грамматической формы сказуемых и определений, находящихся при сочетаниях числительного «пол-» с существительными темпоральной семантики.

1. Для определений наиболее частотной является форма мн. ч., находящаяся в препозиции по отношению к определяемому слову (93,49%). Формы мн. ч. в постпозиции встречаются редко и зависят от двух факторов – наличия полупредикативности (1,48%) и наличия особого актуального членения в предложении (0,30%). Определение может употребляться и в ед. ч. (4,73%) в случаях, если определяемое слово является архаичным (2,07%) и если определение находится в постпозиции и вызывает «расщепление» внутренней формы конструкции с «пол-» (2,66%).

2. Для сказуемого более частотна форма ед. ч. (87,3%), при этом сказуемое в такой форме может употребляться в одних контекстах с определением во мн. ч. (4,76%). Сочетание определения в ед. ч. со сказуемым в ед. ч. встречается только в ранее отмеченном случае употребления в постпозиции (1,59%). Сказуемое во мн. ч. (12,7%) может употребляться как в контекстах без определения (4,76%), так и в контекстах с определением во мн. ч. (7,94%). Сочетание с определением в ед. ч. в описанных условиях невозможно.

3. Для определений во мн. ч. возможно употребление флексий двух типов – «ые» (79,5%) и «ых» (20,5%). При наличии сказуемого во мн. ч. в контексте, содержащем определение, последнее должно иметьфлексию типа «ые» (и сказуемое, и определение координируются с количественно-именным сочетанием), а при наличии сказуемого в ед. ч. –флексию типа «ых» (оба компонента связаны с существительным в форме N2). При этом использование определения с флексией типа «ых» невозможно в случае, если определение является прилагательным местоимённой или количественной семантики.

Выявленные особенности оформления синтаксических связей подтверждают точку зрения И. А. Мельчука, по мнению которого «пол-» является самостоятельным числительным.

Список источников

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1945. Ч. 1. Фонетика и морфология. 234 с.
2. Белошапкина В. А. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
3. Былинский К. И., Никольский Н. Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М.: Изд-во МГУ, 1970. 344 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 601 с.
5. Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985. 514 с.

6. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 24.04.2019).
7. **Пирого Н. Г.** Семантические, словообразовательные и орфографические особенности слов с пол-, полу- [Электронный ресурс] // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2013. № 1 (5). URL: <http://phil.duan.edu.ua/images/PDF/2013/1/26.pdf> (дата обращения: 29.05.2019).
8. **Плотникова В. А.** Склонение существительных с первым компонентом «пол-» // Русская грамматика: в 2-х т. М.: Наука, 1980. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.
9. **Розенталь Д. Э.** Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. М.: Книга, 1989. 320 с.
10. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
11. **Шведова Н. Ю.** Разряды частиц по строению // Русская грамматика: в 2-х т. М.: Наука, 1980. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.

FEATURES OF THE GRAMMATICAL FORMS OF PREDICATES AND ATTRIBUTES IN COMBINATIONS OF THE NUMERAL “ПОЛ-” WITH NOUNS OF TEMPORAL SEMANTICS

Zhuravleva Kira Anatol'evna
Far Eastern Federal University, Vladivostok
kira.zhuravlyova@mail.ru

The paper analyses the features of the form of predicates and attributes in constructions with the component “*пол-*” and nouns of temporal semantics. Using the methods of corpus linguistics, it is revealed that the preposition and the plural form are frequent for attributes, and the singular form is frequent for predicates. The author describes the cases of using attributes in the postposition (in the presence of a semipredicative construction or special actual division) and in the singular number (in the use of an archaic word form and in a structure’s “splitting”), as well as the features of a flexion choice in N1 and N4. As a result the conclusion is made that “*пол-*” should be treated as a separate lexeme.

Key words and phrases: numeral; “*пол-*”; grammatical form; syntactic relations; predicate; attribute; temporal semantics.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 06.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.25>

Данная статья посвящена исследованию предложно-падежных конструкций «в» и «на» с предложным падежом с позиций когнитивной лингвистики. Основное внимание акцентируется на метонимиях, объясняющих вариативное употребление исследуемых конструкций. В статье показано, как на основании метонимического переноса названия между целым и его частями, имеющими различную пространственную трактовку, одна и та же лексема может употребляться с разными предлогами. В работе также проанализированы метонимические переносы, лежащие в основе вариативного использования «в» и «на» со словами одной семантической группы.

Ключевые слова и фразы: семантика; предлоги «в», «на»; вариативное использование; метонимия; когнитивный подход.

Калюга Марика Ашотовна, к. филол. н.
Университет Маквора, г. Сидней, Австралия
m.kalyuga@gmail.com, marika.kalyuga@mq.edu.au

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ НА И В

1. Введение

Предлоги *в* и *на* часто сочетаются с одними и теми же лексемами (*в тарелке / на тарелке, в кухне / на кухне*) или лексемами одной семантической группы (*в переулке / на улице, в магазине / на рынке*). Вариативность в использовании этих предлогов являлась объектом исследования многих лингвистов [10; 14; 17]. Тем не менее это явление еще не получило достаточного объяснения. **Актуальность** работы обусловлена возросшим в последние годы интересом к вопросам употребления предлогов и, в частности, к их вариативному использованию. Основное внимание в статье обращается на употребление *в* и *на* с предложным падежом, основанное на метонимическом переносе. **Целью** данной статьи является выявление особенностей вариативного употребления исследуемых конструкций. Для достижения сформулированной цели ставятся следующие **задачи**:

- 1) проанализировать употребление *в* и *на* с одними и теми же лексемами;
- 2) описать факторы, определяющие особенности сочетаемости этих предлогов с лексемами одной семантической группы;
- 3) рассмотреть метонимические переносы, лежащие в основе вариативного использования *в* и *на*.

Научная новизна исследования состоит в попытке продемонстрировать, как метонимические переносы объясняют вариативное употребление данных конструкций.